

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

РАСКОЛЬНИЧЬИ ДѢЛА XVIII СТОЛѢТІЯ, ИЗВЛЕЧЕННЫЯ ИЗЪ ДѢЛЪ ПРЕОБРАЖЕНСКАГО ПРИКАЗА И ТАЙНОЙ РОЗЫСКНЫХЪ ДѢЛЪ КАПЦЕЛЯРИИ Г. ЕСИПОВЫМЪ. Т. I 1861. Т. II, 1863 г.

Знакомясь съ литературой по предмету раскола, невольно останавливаешься вниманіемъ на одномъ на первый разъ почти необъяснимомъ явленіи. До самаго послѣдняго времени разработка вопроса о расколѣ, который существуетъ уже 200 лѣтъ, составляла исключительную принадлежность лицъ духовныхъ. Сколько намъ извѣстно, нельзя указать ни въ XVII, ни XVIII столѣтіяхъ ни одного сочиненія о расколѣ, которое бы вышло изъ-подъ пера лица свѣтскаго. Да и въ настоящій вѣкъ, кромѣ „Раскола, обличаемаго своею исторіею“—г. Муравьева, и еще двухъ-трехъ брошюръ—самаго незначительнаго содержанія, написанныхъ въ 40 годахъ свѣтскими, обратившимися изъ раскола, лицами, всѣ остальные сочиненія по расколу писались до послѣдняго десятилѣтія исключительно лицами духовными. Чѣмъ объяснить это явленіе? Думать, что духовенство считало изученіе раскола своей монополіей, не позволяетъ то обстоятельство, что въ настоящее время, когда литература свѣтская занялась и довольно усердно изслѣдованіемъ раскола, духовенство не только не считаетъ подобнаго порядка вещей нарушеніемъ своихъ правъ и привилегій, напротивъ съ искреннею радостію встрѣ-

часть каждый новый трудъ, разумѣется, дѣльный, не обращая вниманія на то, чьи силы потрачены на этотъ трудъ, лица-ли духовнаго, или свѣтскаго. Объяснять указанное нами явленіе строгостію цензуры и полицейскимъ управленіемъ, существующимъ у насъ, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые (1), значитъ забывать, что, кромѣ свѣтской, существуетъ у насъ и духовная цензура и, можетъ быть, болѣе строгая, чѣмъ первая, значитъ еще предполагать, что писатели духовные, какъ члены общества, находятся внѣ общихъ, обязательныхъ для всѣхъ русскихъ, государственныхъ законовъ, т. е. значитъ не знать дѣла и говорить слова, не понимая ихъ настоящаго смысла. Нѣтъ, мы объясняемъ дѣло проще. По нашему мнѣнію, расколъ составлялъ до самаго послѣдняго времени предметъ литературы преимущественно духовной—потому, что свѣтская литература не удостоивала его своего вниманія. Направленіе нашего свѣтскаго общества до послѣдняго времени было таково, что литература свѣтская, всегда считающая долгомъ своимъ угождать вкусу публики, не могла, если бы и хотѣла, обратить вниманіе на изученіе такого темнаго, не привлекательнаго по наружности явленія, каковъ нашъ расколъ. Въ противномъ случаѣ сѣ грозила опасность остаться безъ читателей, а это такой шагъ, на который рѣшится не всякій свѣтскій человекъ, всегда рассчитывающій на впечатлѣніе, на эффектъ. Потому-то только лица духовныя по временамъ напоминали благовоспитанному обществу, что въ средѣ его есть тысячи, миллионы лицъ, которыхъ, при всей своей неказистой физиономіи, все же люди съ правами и на

(1) Сборн. Кельсиев. выш. перв. стр. 111.

вышнее, настоящее благополучіе, и на будущее вѣчное спасеніе. И во имя этихъ правъ трудились, работали, читали и пересчитывали старинныя рукописи и древлепечатныя книги, писали о сугубой аллилуіи, о хожденіи по солонь и др., чтобы, устранивъ предъубѣжденія этихъ лицъ противъ церкви и православнаго общества, дать ихъ жизни религіозно-нравственной и гражданско-общественной болѣе правильное и разумное направленіе. Не споримъ, что въ подобныхъ трудахъ духовной науки и литературы было не мало промаховъ, ошибокъ, недостатковъ; но все же смотрѣть на эти труды какъ нибудь свысока, презрительно, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые свѣтскіе писатели (1), по нашему мнѣнію, больше, чѣмъ несправедливо. Если доселѣ труды духовныхъ лицъ на поприщѣ изученія раскола не оказали надлежащихъ успѣховъ, причины этого скрывались, быть можетъ, не столько въ недостаткахъ этихъ трудовъ, сколько въ нравственныхъ недостаткахъ самого общества, на пользу котораго трудилось духовенство. Раскольнику докажутъ, напр., что изъ-за двуперстія и подобныхъ вещей неразумно удаляться отъ церкви, а онъ, оставивъ въ сторонѣ и троесперстіе и прочія вещи, указываетъ на нравственные недостатки общества православнаго и говоритъ, что если бы церковь православная была истинная, члены ея не были бы преданы такимъ порокамъ, каковы: несоблюденіе установленныхъ постовъ, посѣщеніе на праздники и въ самые праздники разнаго рода увеселительныхъ заведеній, — театровъ, маскарадовъ и др., небрежное нерѣдко до кощунства стояніе въ храмахъ Божіихъ и пр. и пр. (2).

(1) Мельников. письм. о раск. 1-е.

(2) См. объ упрек. раск. прав. общ. въ Хр. Чт. 1863. январь.

Спрашивается: кто же послѣ этого виновать, духовенство ли, не умѣющее будто бы писать хорошо въ наученіе раскольниковъ, или само общество своею шумною и не всегда нравственною жизнію отталкивающее отъ себя тѣхъ, кому дороги вѣра и вѣчное спасеніе.

Съ половины прошлаго десятилѣтія, когда при семинаріяхъ и академіяхъ нашихъ открыты такъ называемыя миссіонерскія отдѣленія, когда духовная наука вслѣдствіе этого усилила свои занятія расколомъ, и стали появляться болѣе или менѣе дѣльныя сочиненія по этому предмету, и литература свѣтская обратила свое вниманіе на изученіе раскола. И нужно сознаться, что не зависимо отъ взглядовъ на расколъ, какихъ держатся разные свѣтскіе писатели, разработка этого довольно загадочнаго предмета свѣтскою литературою идетъ довольно успѣшно. Въ два-три послѣдніе года, кромѣ множества журнальныхъ статей, появилось въ свѣтской литературѣ нѣсколько и отдѣльныхъ сочиненій по расколу. А если прибавить къ этому еще изданныя г. Кожанчиковымъ разнаго рода *сочиненія* самихъ *раскольниковъ*, то нужно сознаться, что свѣтская литература, такъ сказать, спѣшитъ загладить грѣхъ молчанія своего о расколѣ въ продолженіе двухъ сотъ лѣтъ. Дай Богъ—въ добрый часъ. Причины отдѣльнаго существованія раскольниковъ скрываются, какъ мы уже говорили, не въ церкви только и не въ духовенствѣ, а и въ свѣтскомъ обществѣ. Долгъ правды требуетъ дружнаго, совокупнаго дѣйствованія духовной и свѣтской литературы на поприщѣ изученія раскола въ видахъ обращенія заблуждающихся на путь, по которому идетъ православное русское общество.

Сочиненіе, заглавіе котораго мы выписали въ нача-

дѣ, также принадлежитъ свѣтскому лицу. Первый томъ этого сочиненія явился въ свѣтъ еще въ 1861 году. Мы не говорили объ немъ въ свое время по многимъ причинамъ, и, между прочимъ, потому, что по одному первому труду г. Есипова затруднились судить о задачѣ, какую поставилъ себѣ авторъ „Раскольниковыхъ дѣлъ“, равно и о приемахъ его въ изслѣдованіяхъ. Къ сожалѣнію, и второй томъ г. Есипова не разрѣшаетъ нашихъ недоумѣній. И изъ него невидно, какъ смотритъ на свою работу авторъ „Раскольниковыхъ дѣлъ“. XVIII вѣкъ, къ которому относится предметъ изслѣдованій г. Есипова, — самый замѣчательный періодъ въ исторіи раскола. Въ этотъ вѣкъ, особенно въ первую его половину, къ которой относится ббольшая часть раскольниковыхъ дѣлъ, разсмотрѣнныхъ г. Есиповымъ, и документовъ, напечатанныхъ имъ, расколъ получилъ особенное развитіе и направленіе въ своей жизни и даже въ своемъ ученіи. До XVIII столѣтія ревнители старины возставали главнымъ образомъ противъ разнаго рода преобразованій церковныхъ; въ сочиненіяхъ раскольниковъ этого времени мы находимъ жалобы ихъ по преимуществу на власть духовную, будто бы измѣнившую древнему преданію и православной истинѣ; въ жизни и дѣятельности раскольниковъ второй половины XVII вѣка замѣтна еще надежда, что, быть можетъ, старая правая вѣра восторжествуетъ, церковь сознаетъ свои мнимыя заблужденія, откажется отъ нихъ, обратится на прежній путь истины, — и раскольникамъ не будетъ надобности устроить свою жизнь на особенныхъ началахъ вдали отъ православнаго общества, въ противорѣчіи его стремленіямъ и интересамъ. Главное основаніе къ такой надеждѣ раскольники находили во

власти свѣтской. Воспоминаніе ли о бывшемъ во дни П. Никона союзѣ между раскольниками и самыми высшими лицами свѣтскими, имѣвшими большое значеніе при дворѣ, — союзѣ постыдномъ, который показалъ, что бояре покровительствовали расколу не потому, чтобы сочувствовали ему, а просто для того, чтобы, приставъ къ сторонѣ, недовольной Никономъ, легче ниспровергнуть не любимаго патріарха, ставшаго между царемъ и его приближенными сановниками, — милости ли Алексѣя Михайловича къ нѣкоторымъ вождямъ раскола — Аввакуму и др., источникомъ которыхъ было скорѣе доброе, мягкое сердце царя, чѣмъ убѣжденіе его въ правотѣ требованій, которыя предъявлялъ расколъ, — или наконецъ преступная сдѣлка съ стрѣльцами раскольниками Софьи Алексѣевны, которой за малолѣтствомъ Петра и нездоровьемъ Іоанна Алексѣевича самой хотѣлось управлять царствомъ, — только до самаго конца XVII столѣтія раскольники думали, что свѣтская власть ничуть *не противъ нихъ*, что она только введена въ заблужденіе на счетъ правоты ревнителѣй старины властію церковною и если иногда дѣйствуетъ строго противъ нихъ, то единственно по настоянію власти церковной, — ссылаетъ въ заключеніе и казнить раскольниковъ только потому, что того требовали архипастыри-патріархи. Отъ того-то до конца XVII столѣтія раскольники постоянно обращались къ свѣтской власти съ своими челобитными, въ которыхъ умоляли ее приказать власти церковной разсмотрѣть дѣло защитниковъ старины и удовлетворить ихъ мнимо-справедливымъ требованіямъ. Такъ даже стрѣльцы и раскольники подъ предводительствомъ Нигиты-Пустосвята и покровительствомъ Хованскаго, дѣйствовавшіе въ Москвѣ въ 1682 году, го-

ворили, явившись въ отвѣтную палату: „мы пришли сюда побить челомъ великимъ государямъ о старой православной вѣрѣ, чтобы они *повелѣли* патриарку и властямъ служить по старымъ книгамъ, на семи просфирахъ, а не на пяти, и употреблять на просфирахъ три-составный крестъ, а не крыжъ двочастный. Если же патриархъ неизволить служить по старымъ книгамъ: то *повелѣли* бы ему дать съ нами праведное разсмотрѣніе отъ Божественныхъ писаній, почему онъ на это не согласенъ и за что предаеть проклятію и казнитъ людей, держащихся старой вѣры, какъ недавно казнилъ Соловецкій монастырь“ (1). Говоря это, раскольники ни мало не льстили предъ свѣтскою властію, съ цѣлію пріобрѣсть ея расположеніе; — напротивъ они были искренно убѣждены, что сама власть принимала ихъ сторону и хотѣла, чтобы они требовали соборнаго разсужденія о спорныхъ предметахъ (2). Въ силу такого взгляда на свое отношеніе къ свѣтской власти раскольники до конца XVII вѣка все еще надѣялись, что рано или поздно ихъ правое дѣло, восторжествуетъ и они по прежнему будутъ считаться не только вѣрными сынами отечества, но и покорными чадами церкви, будутъ на равнѣ со всѣми подданными не только въ милости у царя, но и въ союзѣ съ церковію. Петру первому назначено было судьбою въ числѣ многихъ великихъ дѣлъ — совершить еще одно, также очень не мало-важное по своимъ послѣдствіямъ, — разубѣдить раскольниковъ въ ихъ надеждахъ возстановить вѣру отцовъ при помощи свѣтской власти. Съ самаго начала цар-

(1) Истор. Рус. раск. изд. 1-е, стр. 222—3.

(2) Тамъ же стр. 227.

ствования этого государя раскольники увидѣли, что дѣло ихъ проиграно окончательно, что новый юный царь не только сталъ не милостиво относиться къ ревнителямъ *старой* мнимо-истинной вѣры. но не всегда съ должнымъ уваженіемъ дѣйствовалъ и по отношенію къ вѣрѣ *новой*, которую исповѣдывалъ самъ. А гражданскія и церковныя преобразованія Петра (въ родѣ уничтоженія патріаршества), совершаемыя имъ большею частію по иноземнымъ образцамъ, послужили причиною того, что раскольники не только перестали ждать отъ свѣтской власти справедливаго вниманія къ себѣ и своему дѣлу. но провозгласили Петра еретикомъ, антихристомъ. отъ котораго нужно бѣжать, чтобы не погибнуть во вѣки. И вотъ начались побѣги раскольниковъ изъ городовъ и селъ въ лѣса и пустыни съ проповѣдію о томъ, что настало послѣднее время, что воцарился на землѣ антихристъ, что истинному христіанину остается одно: если можно—скрываться отъ сына погибели, въ противномъ случаѣ страдать—въ надеждѣ получить мученической вѣнецъ. И дѣйствительно, одни изъ раскольниковъ толпами устремились въ мѣста ненаселенныя и далекія отъ центра власти и здѣсь начали *новую самостоятельную* жизнь, стали устроить скиты, монастыри, слободы, въ которыхъ число обитателей часто доходило до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ обоаго пола. Другіе, быть можетъ, болѣе смѣлые и фанатичные, оставались на прежнихъ мѣстахъ своего жителства. но при малѣйшемъ покушеніи на ихъ жизнь и дѣла со стороны власти противопоставляли ей всю нравственную силу своего убѣжденія и, подчиняясь матеріальной силѣ власти, страдали молча, но съ радостію. Общаго между тѣми и другими было то, что всѣ они сдѣлались

теперь врагами не только церкви, но и государства. Не мѣсто здѣсь показывать, на сколько справедливы были раскольники, ставшіе съ самаго начала XVIII столѣтія въ оппозицію не только власти церковной, но и свѣтской, и провозгласившіе послѣднюю антихристомъ. Замѣтимъ только, что нѣкоторые изъ тогдашнихъ обстоятельствъ были до того не обычайны, что и многіе изъ православныхъ не умѣли объяснить ихъ себѣ надлежащимъ образомъ и сходились во взглядѣ на нихъ съ раскольниками. Отъ того-то начало XVIII вѣка было временемъ самаго быстрого и сильнаго распространенія раскола...

Власть свѣтская, потерявшая теперь въ глазахъ раскольниковъ всякій авторитетъ и заклеянная ими именемъ антихриста, съ своей стороны употребляла всѣ мѣры для уничтоженія раскола,—начиная съ зипуна съ стоячимъ клеенымъ козырькомъ и кончая сожженіемъ нѣ кострѣ, отсѣченіемъ головы на плахѣ, или повѣшеніемъ за ребро. Но особенно сильно свирѣпствовала въ это время пытка, это, по словамъ г. Есипова, безчеловѣчное установленіе (т. I, стр. 588), о которомъ въ наше время нельзя вспомнить иначе, какъ съ ужасомъ и отвращеніемъ (тамъ же стр. 582). Преображенскій приказъ и Тайная канцелярія были мѣстомъ, гдѣ кнутъ заплечнаго мастера практиковался на спинѣ всякаго, кто только попадалъ въ эти страшныя судилища, былъ ли онъ виновенъ, или даже невиненъ. Потому что въ эту страшную пору слова и дѣла *исудирева* не считали большою важностію дать 20—30 ударовъ и человѣку правому, если онъ, по неосторожности, являлся на глаза князю Федору Юрьевичу Ромодановскому. Невинный, побывавшій нѣсколько разъ на дыбѣ, могъ

утѣшаться по крайней мѣрѣ тѣмъ, что, въ случаѣ несчастія, въ другой разъ ему уже менѣе тяжело будетъ это удовольствіе (т. I, стр. 606). Но такъ какъ раскольники во время Петра перваго признаны были врагами не только церкви, — дѣло, по мнѣнію великаго преобразователя, не особенно важное, чему свидѣтельствомъ служить официально данное имъ нѣкоторымъ услужливымъ царской милости раскольникамъ позволеніе совершать службу по старопечатнымъ книгамъ безпрепятственно (т. I, стр. 288), но и государства, и особенно *Государя*; то само собой понятно, что и имъ и даже чаще другихъ, открыты были двери и въ Преображенскій приказъ и въ Тайную канцелярію. Вотъ про этихъ-то страдальцевъ за свои убѣжденія иногда дикія, но не всегда несправедливыя, и рассказываетъ г. Есиповъ въ своихъ сочиненіяхъ, о которыхъ мы ведемъ рѣчь. Кажется, нѣтъ нужды много говорить о томъ, на сколько могутъ быть интересны свѣдѣнія, сообщаемыя г. Есиповымъ. Особенно нынѣ, когда на вѣкъ Петра Великаго обращено особенное вниманіе литературы и общества, знакомство съ дѣлами, которыя совершались въ его царствованіе въ страшномъ Преображенскомъ приказѣ и еще болѣе страшной Тайной канцеляріи, можетъ имѣть особенный интересъ, — тѣмъ болѣе, что про дѣла эти тогда запрещалось даже говорить, и слѣдовательно они не могли быть хорошо извѣстны даже современникамъ, не только потомству.

Такимъ образомъ сочиненія г. Есипова по интересу содержанія своего заслуживаютъ полнаго вниманія. Не менѣе интересны они и въ научномъ отношеніи. »Раскольничьи дѣла или дѣла о раскольникахъ XVIII столѣтія, сохранившіяся въ архивныхъ хранилищахъ, пред-

ставляютъ, говоритъ г. Есиповъ, обильный матеріалъ для исторіи раскола, для исторіи народной,—въ нихъ встрѣчаются свѣдѣнія объ извѣстныхъ расколуочителяхъ, объ ихъ догматахъ, о той средѣ, въ которой они дѣйствовали, о существовавшихъ въ то время формахъ судопроизводства, о процедурѣ бюрократической и проч.“ (Т. I, придислов.). Вполнѣ соглашаясь съ этими словами, мы однакоже не можемъ не замѣтить, что архивныя бумаги—слишкомъ сырой и необработанный матеріалъ; и для того, чтобы онѣ могли принести надлежащую пользу наукъ, требуется много труда и умѣнья со стороны лицъ, которыя посвятили себя обработкѣ этого матеріала. По нашему мнѣнію, работа эта должна состоять или въ выборѣ болѣе интересныхъ, существенныхъ, характеристичныхъ документовъ и буквальной перепечаткѣ ихъ, или въ точной передачѣ содержанія архивныхъ бумагъ—на языкъ современномъ. Въ первомъ случаѣ лица, которымъ почему либо недоступны архивныя хранилища, сами воспользуются для своихъ научныхъ цѣлей обнародованными матеріалами и извлекутъ изъ нихъ то, что каждому нужно. Во второмъ—на изслѣдователѣ лежитъ обязанность—быть хорошо знакомымъ съ современными запросами науки, къ области которой относится предметъ его изслѣдованій, чтобы онъ могъ обратить особенное вниманіе на тѣ именно стороны разбираемыхъ матеріаловъ, которыя всего больше въ состояніи удовлетворить современнымъ научнымъ требованіямъ. И кромѣ того требуется еще отъ изслѣдователя умѣнье точно и вѣрно передавать содержаніе архивныхъ документовъ,—т. е. безпристрастіе и добросовѣстность. Последнее условіе необходимо для того, чтобы читатели, лишенные возможности повѣ-

рить свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ, подлинными бумагами, могли вѣрить ему на слово, не опасаясь впасть въ ошибку или заблужденіе. Само собой разумѣется, что послѣдній способъ разработки историческихъ матеріаловъ требуетъ больше труда, чѣмъ первый.

Г. Есиповъ, трудясь и работая надъ старинными рукописями и документами, не слѣдуетъ исключительно ни одному изъ указанныхъ приѣмовъ; въ своихъ сочиненіяхъ онъ то передаетъ содержаніе разбираемыхъ документовъ современною рѣчью, то иногда перепечатываетъ буквально ту или другую архивную бумагу. По видимому, не можетъ быть ничего лучше такого способа разработки историческихъ матеріаловъ. Правда, но только въ томъ случаѣ, еслибы при передачѣ содержанія того или другаго документа авторъ „Раскольниковыхъ дѣлъ“ былъ вѣренъ подлиннику и извлекалъ изъ него все, что нужно для современной науки, а буквально перепечатывалъ только тѣ архивныя бумаги, которыя по своему содержанію представляютъ особенный интересъ въ какомъ либо отношеніи. Къ сожалѣнію, нельзя сказать ни того ни другаго о сочиненіяхъ г. Есипова. Прочитайте напримѣръ начало статей, подъ названіемъ: „Казакъ Левшутинъ“ (т. I, стр. 557—561) и „Донось“ (т. II, стр. 3—37), и вы увидите, что г. Есиповъ владѣетъ живою фантазією и способенъ въ ущербъ исторической правдѣ рисовать самыя художественныя картины. Или обратите вниманіе на напечатанныя буквально выписки изъ архивныхъ бумагъ и другихъ рукописей (напр. т. I, стр. 59—83, 173—178, 341—354, 385—398, 414—496, 627—633, т. II, стр. 130—155, въ прилож. стр. 5—55, 163—171 и др.), и вы убѣдитесь, что свѣдѣнія, находящіяся въ этихъ

выпискахъ, или совершенно ничтожны, или изложены авторомъ въ текстѣ, или извѣстны всякому изъ другихъ источниковъ. Вообще приходится сказать, что г. Есиповъ обращалъ главное вниманіе не на то, чтобы сообщить публикѣ свѣдѣнія нужныя и интересныя, а на то, чтобы собрать матеріаловъ *побольше*, какого бы достоинства они ни были, и издать въ свѣтъ книги по-объемистѣе. Вотъ доказательства того, что мы говоримъ правду. Прежде всего г. Есиповъ, какъ гласить заглавіе его книгъ, имѣлъ цѣлю познакомить публику съ „раскольничьими дѣлами XVIII столѣтія, находящимися въ дѣламъ Преображенскаго приказа и Тайной розыскныхъ дѣлъ Канцеляріи.“ Если такъ, то на какомъ основаніи онъ трактуетъ въ своихъ сочиненіяхъ о томъ, что не находится въ дѣлахъ указанныхъ судилищъ и что—это главное—давно извѣстно всѣмъ и каждому? Такъ напр. въ началѣ статьи: „Ряпинскіе раскольники“ г. Есиповъ излагаетъ свѣдѣнія, находящіяся въ исторіи русскаго раскола пр. Макарія и въ книгѣ о томъ же предметѣ г. Муравьева (т. I, стр. 87—89). Въ статьѣ: „Семейство Аввакума“, въ которой авторъ хотѣлъ только сообщить нѣсколько архивныхъ свѣдѣній о сынѣ этого расколуучителя, г. Есиповъ излагаетъ *цѣлую* біографію разстриженнаго протопопа, заимствуя ее изъ Энциклопедическаго лексикона (т. I, стр. 107—117). Въ статьѣ „Выговская пустынь“ большая часть свѣдѣній взята г. Есиповымъ изъ извѣстной всѣмъ „Исторіи Выговской пустыни“ Ивана Филипова. Въ статьѣ „Александръ дьяконъ“ авторъ „Раскольничьихъ дѣлъ“ для того только, чтобы сообщить читателямъ на основаніи розыскаго дѣла Тайной Канцеляріи, что за личность былъ Александръ, излагаетъ самыя дробныя и утоми-

тельные свѣдѣнія о дѣйствіяхъ пр. Питирима въ Керженскихъ лѣсахъ, заимствуя эти свѣдѣнія изъ „Описанія расколн. сочиненій“ А. Б. и изъ XV тома древней Россійской Вивлюэики (т. I, стр. 622—633). Въ статьѣ: „русская борода и нѣмецкое платье“ г. Есиповъ прежде, чѣмъ начинаетъ разсказывать архивныя изъ Преображенскаго приказа дѣла, касающіяся этого предмета, сообщаетъ предварительныя свѣдѣнія о бородѣ, — на основаніи совершенно другихъ документовъ, именно — сочиненій г. Буслаева, исторіи Карамзина, описанія Румянцовскаго музеума Востокова, Стоглава, исторіи г. Устрялова, Собранія законовъ и др., — свѣдѣнія притомъ не новыя, а извѣстныя всѣмъ и каждому (т. II, стр. 159—168). Въ статьѣ: „Керженцы въ царствованіе Петра Великаго,“ авторъ „Раскольниковыхъ дѣлъ“ ни съ того ни съ сего начинаетъ излагать *исторію происхожденія раскола* по сочиненію пр. Макарія (т. II, стр. 205—215), какъ будто книга ученаго архипастыря составляетъ такую рѣдкость, что свѣдѣнія, извлеченныя изъ ней, составляютъ для кого либо новость. Скажутъ, что свѣдѣнія, находящіяся въ сочиненіяхъ г. Есипова и заимствованныя имъ не изъ архивныхъ дѣлъ, помѣщены имъ для большей полноты и округленности статей, составленныхъ на основаніи архивныхъ бумагъ. Но вѣдь авторъ „Раскольниковыхъ дѣлъ“ поставилъ себѣ задачею писать не вообще монографіи или изслѣдованія о разныхъ лицахъ и событіяхъ изъ жизни раскола, — тогда онъ имѣлъ бы полное право пользоваться для своей цѣли всѣмъ, что могъ бы найти въ разныхъ источникахъ относящагося къ тому или другому предмету, — нѣтъ, онъ только желалъ познакомить публику съ матеріалами для исторіи раскола, находящимися въ

архивныхъ дѣлахъ Преображенскаго приказа и Тайной Канцеляріи, а при такой постановкѣ дѣла изложеніе напр. жизни протопопа Аввакума—на основаніи свѣдѣній объ немъ, помѣщенныхъ съ Энциклопедическомъ лексиконѣ, представляется роскошью больше, чѣмъ излишнею. Въ подтвержденіе тойже мысли можно указать еще на слѣдующія особенності въ сочиненіяхъ автора „раскольничьихъ дѣлъ“. Кромѣ текста, состоящаго въ изложеніи современнымъ языкомъ содержанія того или другаго документа, въ сочиненіяхъ г. Есипова, какъ мы уже говорили, есть еще такъ называемыя „приложенія,“ то-есть буквальная перепечатка нѣкоторыхъ архивныхъ бумагъ и извлеченій изъ другихъ рукописей. Но посмотрите, что за приложения у г. Есипова. Это не какіе либо особенно характеристичные и важные по содержанію документы, каждое слово которыхъ интересно и дорого для науки, но бумаги или самыя безцвѣтныя по содержанію (таковы напр. тетрадка Докукина т. 1, стр. 173 — 178, извлеченія изъ Винограда Россійскаго о Ѳедорѣ Токмачевѣ и Спиридонѣ Потемкинѣ т. II, стр. 163—171, опись тетрадокъ раскольническихъ т. I, стр. 598 — 601 и др.) или такія, содержаніе которыхъ со всею полнотою, только безъ разглагольствій и повтореній, передано авторомъ въ текстъ, такъ что буквальная перепечатка подобныхъ бумагъ, не прибавляя ничего новаго и существеннаго къ дѣлу, только увеличиваетъ объемъ книги (таковы напр. выписка изъ дѣлъ Преображенской канцеляріи о Григоріѣ Талицкомъ т. I, стр. 59 — 83, извлеченіе изъ исторіи Выговской пустыни Ивана Филипова о доносѣ на Выговцевъ Холтурина т. I, стр. 341 — 354, копія съ допросовъ Круглаго т. I, стр.

414 — 496, содержание которых передано автором на стр. 373 — 381, вѣдение Правительствующему Сенату т. I, стр. 513 — 523, повторяющее то, что сказано г. Есиповымъ на стр. 321 — 2, и особенно что находится въ донесеніи Водлозерскаго священника Гаврилы Иванова т. I, стр. 497 — 501 и др.). А случается еще и такъ, что г. Есиповъ упомянетъ въ текстѣ не на основаніи какой либо архивной бумаги о какомъ либо, всѣмъ извѣстномъ, событіи изъ исторіи раскола и затѣмъ помѣщаетъ въ приложеніи цѣлое раскольническое сочиненіе объ этомъ предметѣ, сочиненіе также извѣстное и даже существующее въ печати. Такъ напр. во вступленіи къ статьѣ: „Керженцы въ царствованіе Петра Великаго“, излагая исторію происхожденія раскола и упомянувъ при этомъ о Соловецкомъ бунтѣ, въ приложеніи г. Есиповъ помѣщаетъ цѣлую „Исторію объ отцѣхъ и страдалцѣхъ Соловецкихъ“ Семена Денисова (т. II, стр. 1 — 55), исторію, содержание которой давно извѣстно каждому, въ чемъ сознается и самъ авторъ „Раскольничьихъ дѣлъ“ (т. II, стр. 214). И замѣтите: эту исторію г. Есиповъ называетъ приложеніемъ къ статьѣ: *Керженцы*. Смотря такъ широко на дѣло, г. Есиповъ могъ бы помѣстить въ приложеніи къ статьѣ: Керженцы, и множество другихъ раскольническихъ сочиненій, напр. исторію Саввы Романова о стрѣлецкомъ бунтѣ, такъ какъ и объ этомъ бунтѣ есть слово у автора „Раскольничьихъ дѣлъ“ (т. II, стр. 215), — тѣмъ болѣе можно было бы г. Есипову напечатать указываемую нами исторію Саввы Романова, что она менѣе извѣстна, чѣмъ сочиненіе Денисова. Можно указать и другой примѣръ того, какъ г. Есиповъ не пренебрегаетъ никакими историческими документами, какъ

бы они ни выступали изъ предѣловъ его задачи, и печатаетъ ихъ въ видѣ приложения. Такъ въ видѣ приложения къ статьѣ: „русская борода и нѣмецкое платье“, онъ помѣстилъ посланіе Максимово о брадобритіи, 40 главу Стоглава и два сочиненія патріарха Адріана, изъ которыхъ въ одномъ занимающемъ 21 стр. и состоящемъ изъ 24 §§, только въ 15 § говорится о брадобритіи. А наконецъ какъ объяснить эти буквальные утомительныя выписки изъ дѣлъ разныхъ допросовъ раскольниковъ (напр. т. II, стр. 61 — 102, т. I, стр. 194—234, т. II, стр. 130—154 и др.), или ихъ споровъ между собою (т. II, стр. 231 — 260), выписки, которыя тянутся иногда на цѣлыя десятки страницъ, наводятъ своимъ однообразіемъ и повтореніями тоску на читателя и содержать нерѣдко свѣдѣнія самыя мелочныя и пустыя, которыя могли бы быть изложены современнымъ языкомъ гораздо короче и ближе къ дѣлу? Или, какую цѣль, кромѣ увеличенія объема книги, можно предположить напр. въ статьѣ: „ложный доносчикъ“, все содержаніе которой состоитъ въ томъ, что одинъ негодяй съ цѣлію отсрочить приговоръ надъ собою и затянуть дѣло, чтобы имѣть больше времени для побѣга, взнесъ клевету на нѣсколькихъ лицъ, будто бы они держатся раскола и худо говорятъ объ императорскомъ величествѣ, тогда какъ на дѣлѣ оказалось, что доносъ былъ несправедливый? Вообще нужно сказать, что г. Есиповъ, разбирая архивныя дѣла раскольниковъ, не заботился о выборѣ изъ нихъ болѣе важныхъ по содержанію и полезныхъ для науки, но считалъ долгомъ изъ каждой попадавшейся въ руки и прочитанной имъ бумаги извлечь что либо для печати; отъ того-то въ его сочиненіяхъ и встрѣчаются разска-

зы самые ничтожные по содержанию въ родѣ указаннаго сей-часъ, или въ родѣ другихъ, подѣ названіемъ: „Ряпинскіе раскольники“, „Волоколамскій лѣсъ“ и др. Но такъ какъ *суть* подобныхъ разсказовъ очень не обьємиста, то для полноты рѣчи авторъ „Раскольничихъ дѣлъ“ начиналъ буквально *переписывать* архивную бумагу, допросы раскольниковъ, ихъ отвѣты, и такимъ образомъ составлялась статья на нѣсколько страницъ.

Доселѣ мы говорили о недостаткахъ, замѣченныхъ нами вообще въ сочиненіяхъ г. Есипова. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о недостаткахъ и промахахъ, допущенныхъ въ частныхъ его статьяхъ или разсказахъ. Такъ г. Есиповъ Варлаама Левина и Григорія Талицкаго считаетъ раскольниками (т. I, стр. 4 и 41). Это, кажется, не совсѣмъ справедливо. Правда, Левинъ крестился двумя перстами (т. I, стр. 8) и, подобно Талицкому, вѣрилъ и училъ, что Петръ — антихристъ. Но двуперстія Левинъ не считалъ особенно важнымъ предметомъ въ дѣлѣ вѣры (т. I, стр. 16) и крестился иногда тремя перстами; притомъ двуперстія держались въ началѣ XVIII вѣка и многіе изъ православныхъ, даже священники (т. I, стр. 8—602, т. II, стр. 97—9). Что же касается мнѣнія указанныхъ лицъ о Петрѣ, какъ антихриствѣ, то его не чужды были и весьма многіе изъ православныхъ, какъ это мы увидимъ послѣ. А между тѣмъ изъ словъ же г. Есипова видно, что Левинъ посѣщалъ православные храмы (стр. 10), хотѣлъ постричься въ православномъ монастырѣ (стр. 15 и 21), давалъ обѣтъ построить въ Кіевѣ церковь (стр. 18), говѣлъ и приобщался (стр. 19), — все-такія дѣйствія, которыхъ не дозволилъ бы себѣ истый раскольникъ. Правда, Левинъ на одномъ допросѣ говорилъ, что онъ „новую вѣру

оуждаетъ и тѣло и кровь Христову за истинное тѣло и кровь его Спасителю не приемлетъ“, что прежде онъ причащался только „подъ видомъ для прочаго народа“ (стр. 44); но Левинъ, какъ видно изъ разсказа г. Есипова, противорѣчилъ себѣ на каждомъ шагу и указанныхъ словъ его нельзя считать за чистую монету. И Талицкаго нельзя считать раскольниковомъ въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. У него былъ духовный отецъ—Варлаамьевской церкви попъ Лука, который для исповѣди Гришки и жены его приходилъ къ Талицкому въ домъ (т. I, стр. 68 и 87); онъ входилъ въ сношеніе съ тамбовскимъ епископомъ Игнатіемъ (стр. 61-2), думалъ обратиться за совѣтомъ къ суздальскому митрополиту Иларіону (стр. 64) и даже къ патриарху, при чемъ называлъ его святѣйшимъ (стр. 63). Еще несправедливѣе г. Есиповъ считаетъ раскольниковомъ подъячаго Докукина (т. I, стр. 160). Докукинъ, какъ показываютъ его сочиненія, былъ чисто православный; онъ почти ежедневно посѣщалъ православную Свмеоновскую (въ С.-Петербургѣ) церковь, при чемъ даже читалъ на клиросѣ (стр. 162 и 169), имѣлъ духовника священника Авраама (стр. 163—4), съ величайшимъ уваженіемъ относился къ пастырямъ церкви (стр. 173 и 176), горько оплакивалъ обнищаніе святыхъ Божіихъ церквей (стр. 183), съ восторгомъ вспоминалъ прежнее время, когда православные заботились объ устроеніи и украшеніи храмовъ и монастырей, въ слѣдствіе чего какъ царствующій градъ Москва, такъ и всѣ другіе російскіе грады и страны христіанскія „яко небо звѣздами, тако святыми церквами и монастырями украшались“ (стр. 180); наконецъ Докукинъ сожалѣетъ о своемъ времени, когда „не толико обрѣтается строителей,

елико умножается хищниковъ, богоотступниковъ, еретиковъ, *расколщиковъ* святыхъ церковей ругателей“ (стр. 181), и прямо говоритъ о себѣ, что онъ „святыя церкви сынъ аще и весьма грѣшенъ, но рожденъ водою и духомъ, крещеніемъ святымъ и послѣдствуетъ матери своей восточной церкви святой“ (стр. 176). А между тѣмъ нѣкоторые писатели, считая въ слѣдъ за г. Есиповымъ Докукина *раскольникомъ*, составили на основаніи его подметнаго письма свой особенный взглядъ на расколъ, какъ на гражданскую демократическую общину (1).

Въ нѣкоторыхъ статьяхъ видна крайняя небрежность автора къ дѣлу, по которой онъ не хотѣлъ исправить и объяснить разнорѣчивыхъ показаній раскольниковъ, или-одно и тоже слово писалъ въ разныхъ мѣстахъ различно. Такъ въ статьѣ: „Выгорѣдкіе раскольники“ на стр. 364 сказано, что Круглый жилъ въ *Шатскомъ* погостѣ, а на стр. 479: въ *Шалскомъ*; на стр. 365 Круглый говоритъ, что жена его вторая Настасья Митрофанова въ церковь Божию къ пѣнію ходила и въ великіе посты сказывала, что исповѣдывается и приобщается у приходскаго своего попа Григорья Гаврилова, а на стр. 434 тотъ же Круглый замѣчаетъ, что жена его Настасья отъ рожденія у священника приходскаго на исповѣди не бывала, а исповѣдывалась у раскольническаго старца; тоже повторено и на стр. 461, но замѣчено, что Настасья въ церковь ходитъ. На стр. 372 сказано: иноземцу Василью Павлову сыну *Валову*, а на стр. 452: сына *Францова*. На стр. 379—учителемъ *Желтопорожскаго* скита называется Прокопій *Антиповъ*, а на стр. 427 учителемъ *Шолтопорожскаго* скита назы-

(1) Зенств. и раск. Шапов. стр. 100—186.

вается Прокопій Онисимовъ. На стр. 379, перечисляя скиты, г. Есиповъ даетъ имъ одни имена, а въ показаніи Круглаго они называются нѣсколько иначе. Такъ по Есипову, въ Поморьѣ существовали слѣдующіе скиты: Султозерскій, Чолежерскій, Такозерскій, Волозерскій, Боровскій, Лунбошскій, — а по Круглому: Султозерскій, Чинозерскій, Тагозерскій, Вылзерскій, Бобровскій, Лужбашанскій (стр. 430, 431, 485, 486 и 491). У Есипова сказано, что раскольники - новожины живутъ у озера Лонскаго; по Круглому: у озера Лоткова (стр. 449). Небрежность къ дѣлу у г. Есипова простиралась до того, что онъ, заимствуя свѣдѣнія изъ печатныхъ книгъ, не хотѣлъ даже повѣрить ихъ и переписывалъ въ свои сочиненія очевидныя ошибки. Такъ въ біографіи Аввакума, заимствованной изъ Энциклопедическаго Лексикона, онъ повторяетъ допущенную тамъ ошибку, будто протопопа хотѣли расстричь въ 1665 (вмѣсто 1656) году (т. I, стр. 111). Или: передавая (буквально) допросъ купца Алексѣя Семенова Копнина, г. Есиповъ не дѣлаетъ никакого замѣчанія на слова его о томъ, будто Копнинъ видался съ Андреемъ Денисовымъ въ 1732 и 33 годахъ (т. I, стр. 505—6), хотя еще прежде авторъ „Раскольничьихъ дѣлъ“ сказалъ, что Андрей Денисовъ умеръ въ 1730 году (т. I, стр. 299). Еще: дѣлая выписки изъ допросовъ Выгорѣцкихъ пустынножителей, г. Есиповъ безъ всякой оговорки помѣщаетъ допросъ Ивана Филипова, въ которомъ писатель Выговской пустыни говорилъ, что въ то время (1739 г.) ему отъ рожденія былъ 84 годъ, — тогда какъ извѣстно, что Филиповъ скончался въ 1744 году на 83 году отъ рожденія (1). Разумѣется, все это мелочи, но онѣ показыва-

(1) Каталог. Павл. Любопытн. М. стр. 88,

ють или небрежность автора къ дѣлу, или малое знакомство его съ предметомъ, о которомъ взялся писать г. Есиповъ, т. е. съ исторіею раскола. А между тѣмъ эти мелочи могутъ ввести челоуѣка незнакомаго хорошо съ дѣломъ въ ошибки. Въ доказательство послѣдней мысли, т. е. что г. Есиповъ не особенно хорошо знакомъ съ расколомъ и его исторіею, укажемъ еще нѣсколько примѣровъ. Такъ онъ говоритъ, что расколь существуетъ у насъ *триста лѣтъ* (т. II, стр. 160), что Уложеніе Алексѣя Михайловича было *всѣмъ любо* (стр. 205), тогда какъ извѣстно, что до 160 челоуѣкъ, недовольныхъ Уложеніемъ, были сосланы въ Соловецкій Монастырь (1), что „исторія о бѣгствующемъ священствѣ“, помѣщенная во второмъ томѣ, относится къ XVII столѣтію (стр. 175), между тѣмъ какъ въ ней упоминается о первой выгонкѣ съ Вѣтки раскольниковъ (стр. 187), а это было въ 1735 году (2). Есть у г. Есипова предположенія крайне смѣлыя, хотя не всегда основательныя, въ родѣ напр. того, что Стоглавъ въ рукописи ходилъ тысячами въ народѣ (т. II, стр. 161), между тѣмъ какъ его часто не было въ библіотекахъ самыхъ высогихъ по своему положенію лицъ. Есть выраженія, которымъ трудно дать смыслъ, въ родѣ напр. того, что въ Керженскихъ лѣсахъ посвящались во всю Россію попы для богослуженія (т. II, стр. 262—3). Встрѣчаются противорѣчія, необъясненныя г. Есиповымъ. Такъ изъ письма Питирима къ Макарову отъ 10 Ноября 1719 года видно, что указъ о назначеніи Ржевскаго вице-губернаторомъ въ Нижній Новгородъ еще не былъ по-

(1) Земств. и раск. Шапов. стр. 22; Истор. русск. раск. стр. 198.

(2) Истор. русск. раск. Пр. Макар. стр. 303.

лучень имъ въ это время, и Питиримъ просить Макарова за Ржевскаго. А между тѣмъ письмо къ Государю Ржевскаго отъ 30 Ноября 1718 года названо письмомъ нижегородскаго вицегубернатора (т. II, стр. 193—5).

Не смотря впрочемъ на указанная нами и многія другія ошибки и неточности, находящіяся въ сочиненіяхъ г. Есипова, все таки-долгъ справедливости требуетъ сказать автору „Раскольниковыхъ дѣлъ“ большое спасибо за его труды по предмету раскола. Матеріалы, которыми онъ занимается, такъ малоизвѣстны и малодоступны, что разработка ихъ, хотя бы и не вполнѣ удачная, заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны всякаго, кому дорога наука. И не только люди ученые, или занимающіеся наукой, а и просто каждый образованный чело-вѣкъ можетъ найти въ сочиненіяхъ г. Есипова не мало полезныхъ для себя свѣдѣній какъ о расколѣ въ первую половину XVIII столѣтія, такъ и о другихъ сторонахъ тогдашней народной жизни, — свѣдѣній частныхъ, отрывочныхъ, но во всякомъ случаѣ интересныхъ. Прочитавъ разсмотрѣнныя г. Есиповымъ раскольниковы дѣла, нельзя не прийти къ одному и *общему* выводу и заключенію, —тому, что преобразования Петра Великаго гражданскія и церковныя смущали совѣсть не только раскольниковъ, которые имѣли свои причины подозрительно смотрѣть на дѣла государя, сдѣлавшагося, по ихъ словамъ, вмѣсто владыки мучителемъ, но и весьма многихъ изъ православныхъ, —такъ что мнѣніе раскольниковъ о Петрѣ, какъ антихристѣ, находило сочувствіе во всѣхъ классахъ русскаго общества. Такъ видно, что тетрадки талицкаго объ антихристѣ слушали съ удовольствіемъ и тамбовской епископъ Игнатій (т. 1, стр. 5) и бояринъ князь Иванъ Ивановичъ Хованскій,

и священники и дьячки и другіе простые смертныя (тамъ же стр. 6). И чего-чего не толковали русскіе умы начала XVIII столѣтія про Петра Перваго, рѣшившагося перестроить Русь православную на новый нѣмецкій ладъ. Все, что ни дѣлалъ Великій Преобразователь, подмѣчалось, обсуждалось и всего чаще объявлялось самымъ страннымъ образомъ. „Я не знаю, что дѣлать, говорилъ солдатъ Растригинъ Левину; хочу бѣжать изъ полка; я не признаю, что онъ (Петръ) у насъ государь; онъ антихристъ... для того, что онъ государь въ одно время училъ три роты на водѣ лѣтомъ, будто по льду подымаетъ, также и воду въ кровь превращаетъ“ „Подобное ли дѣло, продолжалъ тотъ же рассказчикъ, если бы онъ прямой царь былъ, что онъ сына своего убилъ и царицу постригъ... а эту царицу держитъ только подъ видомъ, а съ нею не живетъ.“ „Привезены изъ-за моря клейма, говорили тому же Левину другіе солдаты, чѣмъ людей клеймить антихристовымъ клеймомъ, и у тѣхъ клеймъ стоятъ они на караулѣ мѣсяца по два и больше безперемѣнно для того, чтобъ о тѣхъ клеймахъ никто не вѣдалъ... и кого запечатаютъ, тому и хлѣбъ дадутъ.“ (Тамъ же стр. 14 и 15, т. II, стр. 81). „Да онъ же Иванъ, говорилъ Никита Кириловъ про одного изъ обвиненныхъ имъ въ расколѣ, про него государя говаривалъ не по одно время, какъ де онъ царь въ посты ѣстъ мясо и женить христіанъ, и нарядилъ людей бѣсомъ, подѣлалъ нѣмецкое платье и епанчи жидовскія“ (т. II, стр. 79, снес. стр. 168-9; т. 1, стр. 148-9). „Прежніе государи, говорила жена одного посадскаго челоуѣка—Большакова, по монастырямъ ѣздили Богу молиться, а нынѣшній государь только на скаку ѣздитъ, а въ монастыри не ѣздитъ и Богу не молится“ (т. II,

стр. 170). Вообще нововведенія Петра казались многимъ до того не народными, не православными, что русскіе люди, привыкшіе слова: Царь-Батюшка считать не раздѣлимыми, никакъ не хотѣли допустить, чтобы Петръ, заводившій новые тяжелые для совѣсти и жизни народной порядки, былъ дѣйствительно *русскій* царь, потомокъ избраннаго на царство всею русскою землею Михаила Ѳедоровича Романова, и придумывали разныя небылицы о его *иноземномъ* происхожденіи. „Нынѣшній царь, рассказывалъ стряпчій Копытовъ казакъ Левшутину, не печется о народъ, а печется о нѣмцахъ, потому что де онъ и самъ ихней породы, а не царскаго корня. Истинно я это вѣдаю. Жилъ я въ Москвѣ и насъ было человекъ двѣнадцать, и мы ночи сиживали надъ святыми книгами, и съ нами бесѣдовалъ верховой священникъ, и сказывалъ мнѣ и товарищамъ моимъ: какъ де воцарился государь и царь великій князь Алексѣй Михайловичъ и совокупился съ царицею Настасьею Кириловною, и она де государыня раждала царевенъ и близъ рожденія, онъ, государь, изволилъ ей, царицѣ, говорить: ежели де будетъ царевна, я де тебя постригу, и она де государыня царица, призвавъ Артамона Сергѣевича (Матвѣева) сказала ему ту тайну, что царь на нее гнѣвенъ; и когда родила царевну, и Артамонъ Сергѣевичъ учинилъ сокровенно, взялъ изъ Нѣмецкой слободы младенца и подмѣнилъ вмѣсто той царевны; а царевну отдалъ въ Нѣмецкую слободу вмѣсто того младенца и понынѣ де она въ немецкой слободѣ жива“ (т. 1, стр. 591). „Онъ де (Петръ) шведъ обмѣнной, разглагольствовала старика Платонида, потому догадывайся-де, дѣлаеть Богу противно, противъ солнца крестять исвадьбы вѣнчаютъ

и образы пишутъ съ Шведскихъ персонъ, и посту не можетъ воздержать, и платью возлюбилъ Шведское и со Шведами, пьеть и ѣсть и изъ ихъ королевства не выходитъ и Шведъ-де у него въ набольшихъ, а паче-де того догадывайся, что онъ извелъ русскую царицу и отъ себя сослалъ въ ссылку въ монастырь, чтобы съ нею царевичевъ не было, и царевича-де Алексѣя Петровича извелъ своими руками убилъ для того, чтобъ ему царевичу не царствовать, и взялъ-де за себя шведку царицу Екатерину Алексѣевну, и та де царица дѣтей не родить и онъ-де государь сдѣлалъ указъ, чтобъ съ предбудущаго государя крестъ цѣловать и то де крестъ цѣлуеть за шведа, одноконечно-де станеть царствовать шведъ, либо-де его государя называя шведомъ, родственникъ или царицы Екатерины Алексѣевны братъ, и великій де-князь Петръ Алексѣевичъ родился отъ шведки съ зубами, онъ-де антихристъ“ (т. II, стр. 41).

Само собою разумѣется, что всѣ эти и подобныя имъ рассказы лицъ, ошеломленныхъ реформами Петра, доходили до слуха Великаго Преобразователя, благодаря дѣятельности Преображенскаго Приказа и Тайной розыскныхъ дѣлъ Канцеляріи (т. 1, стр. 150—1). И какъ ни нелѣпы были указанные нами народные толки, но они не могли не раздражать государя и не вызывать его на самыя строгія мѣры противъ сочинителей разныхъ нелѣпъ; а эти мѣры въ свою очередь подавали поводъ къ новымъ недоразумѣніямъ, къ новымъ толкамъ въ народѣ. „Нынѣ былъ у насъ съ опчинокъ чело-вѣкъ, говорили раскольникы въ Керженскихъ лѣсахъ, былъ въ Петербургѣ, сказывалъ про тамошнія чудеса: собралъ де онъ, Петръ, бѣглыхъ солдатъ чело-вѣкъ съ двѣсти, и поставя на колѣни, велѣлъ побить до смерти

изъ пушки. Эко стало нынѣ христіанамъ ругательство“ (т. 1, стр. 565). Да, тяжелое было время при Петрѣ для всего русскаго христіанскаго общества. Никто, былъ ли онъ православный, или раскольникъ, не могъ считать себя безопаснымъ въ эту страшную пору существованія *государева слова и дѣла*. Смотри на появившіеся почти каждодневно новыя порядки, учреждаемыя Петромъ, трудно, почти невозможно было русскимъ людямъ, по крайней мѣрѣ въ кругу знакомыхъ и родныхъ, не сказать слова противъ учредителя этихъ ненародныхъ, нѣмецкихъ обычаевъ. А между тѣмъ стоило подслушать неосторожное слово кому либо изъ людей постороннихъ, и въ будущемъ грозилъ рассказчику Преображенскій Приказъ съ дыбою, хомутомъ, плетьюми и другими его принадлежностями. Вотъ напр. по какимъ ничтожнымъ обстоятельствамъ попадали иногда въ Преображенскій Приказъ неосторожные на слово русскіе люди въ царствованіе Петра Перваго. Въ 1703 году въ Дмитровѣ посадскій человекъ Михайло Большаковъ нанялъ портнаго мастера Троицко-Сергіева монастыря крестьянина Федора Кутыина шить ему саксонскую шубу. Мѣхъ былъ дорогой и потому портной мастеръ шилъ шубу въ домѣ Большакова. Шуба спитана— надо примѣрять. Надѣвъ ее, Большаковъ выразилъ сожалѣніе о старомъ русскомъ платьѣ, запрещенномъ Петромъ, и нерасположенность къ новому: „кто это платье завелъ, того бы я повѣсилъ“, сказалъ онъ съ свойственною русской широкой натурѣ рѣзкостію. Чрезъ нѣсколько дней Большаковъ поссорился при денежномъ расчетѣ съ портнымъ мастеромъ, а этотъ донесъ о непристойныхъ словахъ его въ Преображенскій Приказъ. И хотя Большаковъ на допросѣ говорилъ, что слово:

повѣситъ онъ „молвить не къ государеву лицу, а съ проста къ нѣмцамъ, потому что-де то платье завелось отъ нѣмцевъ,“ но Князю Ромодановскому это объясненіе показалось неудовлетворительнымъ и Большакова вздернули на дыбу и дали ему 30 ударовъ кнута, отъ чего несчастный и померъ (т. II, стр. 169—170). И не только не осторожное слово, иногда даже одно знакомство съ лицомъ арестованнымъ было причиной того, что подвергались розыску и пыткамъ лица самыя невинныя, самыя почтенныя. Въ этомъ случаѣ не можемъ не указать на слѣдующій поразительный примѣръ. Варлаамъ Левинъ, сынъ одного пензенскаго помѣщика, бывшій нѣсколько времени въ военной службѣ, но потомъ за болѣзнію уволенный изъ ней, въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ пришелъ къ мысли, что Петръ—антихристъ и что для спасенія души нужно постричься въ монахи. Случайно познакомясь съ бывшимъ мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола Стефаномъ Яворскимъ, Левинъ, чтобы скорѣе привести свое намѣреніе въ исполненіе, обратился съ просьбою о помощи къ Преосвященному и получилъ отъ него рекомендательное письмо къ архимандриту Соловецкаго Монастыря. Но вмѣсто Соловковъ фанатикъ попалъ въ Тайную Канцелярію и здѣсь, разумѣется, подъ пытку рассказалъ, между прочимъ, и про знакомство свое съ Митрополитомъ Рязанскимъ, прибавивъ, что Стефанъ при одномъ свиданіи съ Левинымъ говорилъ будто бы ему, что „Петръ иконоборецъ и принуждалъ его Стефана быть Сунодомъ“. И вотъ не смотря на то, что Левинъ былъ больной, сумасшедшій человѣкъ, о которомъ самъ Петръ Великій писалъ, что онъ „временемъ мѣшается и завирается“, не смотря на высокое поло-

женіе Стефана, на его личныя достоинства и общее къ нему уваженіе, Андрей Иванович Ушаковъ не постыдился спрашивать Петра, бывшаго тогда въ Коломнѣ: „по Левина распросу касается нѣчто до рязанскаго архіерея, токмо нынѣ безъ распросу старца Прозоровскаго (на котораго Левинъ также показаль на допросѣ) нельзя того явственно признать и ежели по распросу онаго покажется до него архіерея важность и его допрашивать ли, и гдѣ, въ Синодѣ ли, или въ Тайной Канцеляріи и какъ его содержать?“ А Великій преобразователь нашель въ себѣ силы отвѣтити на этотъ вопросъ: „когда важность касаться будетъ, тогда Сенату притти въ Синодъ и тамъ допрашивать и слѣдовать чему подлежитъ“. И хотя ни Прозоровскій, ни келейникъ преосвященнаго, поднятый на дыбу и висѣвшій на ней цѣлые полчаса, ни однимъ словомъ не набросили тѣни на свѣтлую личность Стефана, хотя самъ Левинъ говорилъ предъ пыткой, что сказалъ на архіерея рязанскаго напрасно,—сенаторы и министры, не любившіе Митрополита, бывшаго уже въ немилости у царя, пригласили Θεофана Прокоповича—личнаго врага Стефана и другихъ членовъ Синода и отправились для допросовъ въ домъ престарѣлаго архипастыря, лежавшаго въ это время на одрѣ болѣзни, доживавшаго послѣдніе дни. Наконецъ не смотря на то, что Стефанъ опровергалъ взведенныя на него Левинымъ обвиненія и истину словъ своихъ подтверждалъ страшною клятвою, говоря: „о всемъ предъ Богомъ и предъ его императорскимъ величествомъ приносить онъ архіерей самую истину, такъ какъ явиться ему предъ Богомъ, а ежели онъ архіерей въ семъ отвѣтствованіи сказалъ что не истинно, или хотя мыслію къ тѣмъ злымъ сло-

вамъ онъ архіерей коснулся, то дабы ему во адъ со
Иудею вѣчно мучиться, — ему дали еще очную ставку
съ Левинымъ (т. I стр. 8 — 9, 31 — 39). Усердіе къ
службѣ и любовь къ розыскамъ, кажется, дальше уже
не могутъ простираться...

(Но если такъ грубо-безцеремонно обращались во вре-
мена Петра начальники Преображенскаго Приказа и
Тайной Канцеляціи съ лицами подсудимыми православ-
ными, и даже высоко поставленными въ обществѣ, то
что же сказать о раскольникахъ?.. Отъ того-то между
раскольниками до настоящаго времени встрѣчаются ли-
ца, которыя искренно убѣждены, что Петръ былъ ан-
тихристъ... Если же обратимъ вниманіе на то обсто-
ятельство, что при Петрѣ считали раскольникомъ вся-
каго, кто крестился двумя перстами, хотя бы онъ во
всемъ другомъ былъ не виноватъ ни душой, ни тѣломъ,
и что въ то время крестились двуперстно многіе даже
изъ православныхъ, то поймемъ, какъ велико было чи-
сло жертвъ Преображенскаго Приказа и Тайной Кан-
целяціи...

И. Пилъскій.